

**Игумен Дамаскин (Орловский),**  
*член Синодальной комиссии по канонизации святых,*  
*клирик города Москвы*

### **Сопоставление подвига мученичества святых древней Церкви и новомучеников Российских**

Сопоставляя подвиг древних мучеников и новомучеников Российских, прежде всего сравним отношение к христианам Римской империи и советского государства, ибо каждое из них исходило из своего действующего на тот момент юридического права и закрепленных в юридическом праве обычаев. По мнению церковного историка В.В. Болотова, против христиан в Римской империи выступали три группы: государство, в лице правительства и местных администраций, образованная часть общества и народ. Причем, к счастью для христиан, все эти три группы никогда не действовали одновременно, а всегда порознь, в результате чего у христиан не было врагов в лице всего общества.

Первым выступил против христиан простой народ, обвинив их в непочитании богов: не зная истинного Бога, но видя, что христиане отказываются почитать богов империи, он обвинил их в безбожии; а поскольку христианское богослужение имело тогда закрытый характер, то христиане были заподозрены и в моральных преступлениях, становясь отступниками от признаваемой народом морали и виновниками всех народных бедствий. Не будь Римская империя столько четко организованной юридически, и не ставь она закон почти на уровень божества, христиан ждала бы еще при начале обнаружения их в общественной жизни беспощадная внесудебная расправа.

Однако на первых порах и государство встретило христиан не слишком приветливо. Хотя сами чиновники и образованная часть общества не верили в богов, но поклонение им являлось частью культа, установленного государством, правота которого доказывалась не правотой по существу, а древностью обычая. Причем богами почитались не только герои древности, но и правящие императоры, которые требовали соответствующего поклонения себе, что для христианина было совершенно неприемлемо. Культ языческих богов с соответствующим им поклонением стал частью римской государственности, и его падение и отмена казались грозящими падением и самой Римской империи. По мнению Сенеки, человек должен соблюдать обряды не потому, чтобы они были угодны Богу, а потому, что так предписывает закон. Правительство совершенно не верило в политическую неблагонадежность христиан, которые в то время индифферентно относились к Римской империи, почитая всякую власть как данную от Бога, не верило оно и в те сплетни, которые распространялись о христианах среди невежественного народа. Проведение же в жизнь чистого принципа, что все не подчиняющиеся государственному установлению, вне зависимости от его значимости, должны быть убиты независимо от совершенных ими действительных правонарушений, всегда бывает сложно провести до конца в реальной жизни. Поэтому во все время гонений в Римской империи правительство никогда не проводило последовательной политики по отношению к христианам, и сами императоры-гонители чаще всего выступали таковыми только в части времени своего правления. Сами юридические формулировки относительно преследования христиан появились только при императоре Трояне (98–117), когда государство полагало не заниматься специальными розысками христиан, но если уже они попадались и были уличаемы в том, что они христиане, то их следовало казнить за самое имя, т.е. за исповедание ими их веры; спасти жизнь они могли только отказавшись от веры во Христа, доказав это самим делом – принесением жертвы языческим богам.

Историки отмечают, что начальный период гонений, обрекавший христиан на казнь, по преимуществу был овеян славой христианских мучеников, когда отказ от мученичества и отступничество не были характерным явлением, а христианские общины составляли люди убежденные. Условия содержания в тюрьмах тогда были таковы, что уже от недостатка воздуха погибали многие, еще не узнавши пыток. Однако, те, кто выдерживали пытки и уже на себе испытали всю силу помощи Христовой в перенесении страданий, те показывали поразительную духовную стойкость.

Период гонений на христиан в древности отличался длительными периодами мира между гонениями, краткостью каждый раз времени самих гонений, неодновременностью их на всей территории империи, так что тот или иной епископ мог удалиться со всей своей паствой в пустынное место и оставаться там до окончания гонений, как сделал это святитель Григорий Неокесарийский, удалившийся в 250 году в пустынные места вместе с паствой и вернувшийся по окончании гонений. Всё это было совершенно невозможно во время гонений в советском государстве, где гонения были повсеместными, непрекращающимися, и не было в стране такого места, где христианин мог бы скрыться.

Во времена господства советской власти, против Церкви одновременно было само государство в лице советского правительства, интеллигенция, в значительной степени еще с дореволюционного времени способствовавшая распространению атеизма через учебные заведения и прессу, дореволюционная бюрократия, к христианству относившаяся как к устаревшему обряду, после революции тесно сотрудничавшая с органами советской власти, и часть распропагандированного и воспитанного в безбожии народа. И уже вполне естественной стала картина, когда во время крестного хода во главе с епископом в окружении духовенства и мирян в праздник Богоявления в 1910 году саратовская молодежь стояла по сторонам, уперев руки в бока, в шапках и с папиросами, плевала шелухой семечек и смеялась над ставшим непонятным для нее христианским торжеством. Из среды этой молодежи в скором времени и вышли активные гонители христианства. Вообще во время гонений фактор молодости, незрелости, отсутствия положительного опыта стал одним из решающих. Хохрякову, бывшему членом Екатеринбургского исполкома и отдавшему приказ об убийстве епископа Тобольского Гермогена, было в то время 24 года, Тучкову в начале его деятельности в 1917 году – 25 лет, его заместителю Полянскому во время начала его деятельности в ЧК – 23 года. Это были люди, чьи детство и юность пришлись на время самой оголтелой антирелигиозной пропаганды в период революции 1905-1906 годов и в послереволюционный.

Первое гонение, которое можно было бы назвать общим и которое было инспирировано правительством, но продолжавшееся не более года, было гонение при императоре Декии (250), когда все должны были заявить, остаются ли они в христианской вере или возвращаются к государственной религии Римской империи; сама явка к соответствующему чиновнику была обязательна, причем, нужно было засвидетельствовать свое отречение от Христа перед жертвенником – принесением жертвы богам. «Действие этой меры на христиан было самое подавляющее, – пишет В.В. Болотов. – Долговременная эпоха мира в значительной степени ослабила то нравственное напряжение, под которым жили христиане первой эпохи гонений. Со своим положением многие из христиан до того свыклись, что не предвидели для себя никакой опасности. Усыпление нравственности, почти совершенный сон религии характеризовал многих христиан того времени. Но следует прибавить и то, что христианская Церковь в то время значительно увеличилась в составе своих членов, потому что христианство в мирную эпоху расположены были принимать и такие, у которых не достало бы мужества примкнуть к этой религии в эпоху преследования. Поэтому гонение Декия отмечено было в некоторых церквах множеством падших»<sup>1</sup>.

Если причиной многочисленных падений в древнем мире было усыпление совести и увеличение числа людей, которые только на словах относили себя к христианам, то это относится и к эпохе новомучеников, ибо те же условия оказались и в советском государстве, образовавшемся после долгого мира и заставшем неготовыми к подвигу многих христиан, бывших таковыми только по имени. Вполне естественным посему был уход многих из Церкви, кто за привычным обрядом не видел Таинств, за внешней формой не видел содержания, кто храм Божий посещал более по привычке, нежели по насущной необходимости и по голосу совести.

Отступниками после гонения императора Декия Церковью считались не только те, кто принес жертву богам, но и те, кто только получил документ, что он принес таковую жертву, или те, кто за взятку был внесен в списки принесших жертву, хотя сам этого и не делал. Покривление совестью и лукавство в главнейшем жизненном вопросе всегда почитались за большой грех, и не слишком в этом вопросе была важна форма греха. Принесший жертву богам, в которых не верил, как и не принесший, но которому чиновник выписал справку, что он это сделал, мало чем по существу отличались.

В 250 году во время гонения при императоре Декии государством была поставлена задача не столько истребления христиан, сколько их отречения от Христа, и стали применяться пытки уже не как обычная юридическая норма, а как имеющие целью добиться отречения от христианства; в связи с этим были применяемы продолжительные мучения, в частности многодневное лишение пищи и воды, что действительно в иных случаях приводило христиан к отречению, что делает это гонение сходным с гонениями советского времени, с той лишь разницей, что сами трудности жизни при советской власти, созданные в значительной степени правительством искусственно, делали и жизнь на свободе мало чем отличающейся от жизни в узах.

Хотя христианство в Римской империи считалось явлением антигосударственным и на первой же стадии следственного процесса, когда следователь узнавал, что перед ним христианин, тот уже был обречен на казнь или на изгнание, если только он не отрекался, однако в силу юридической практики того времени перед судом должен был предстать и обвинитель, почему в большинстве случаев гонения против христиан возникали в результате заявления частных людей, часто родственников или соседей.

Яркий пример этому случай с мучеником воином Марином и римским сенатором Астурием. «Марин состоял на военной службе. В том легионе, к которому он принадлежал, оказалось вакантным офицерское место... По своим заслугам более других товарищей имел права на это место Марин... Марин подходил, чтобы получить соответствующие инсигнии, т.е. известный военный пояс и виноградную ветвь, как вперед выступил пред трибуналом другой претендент на это место, соперничавший с Марином. Он сейчас же заявил, что по древним законам... Марин не имеет права занять этот чин, потому что он христианин и не приносит жертвы в честь императора. А место вакантное принадлежит ему – истцу. Судья немедленно спросил Марина, действительно ли он христианин? Марин отвечал: “да”... Судья тотчас дал Марину на размышление три часа, чтобы по истечении этого времени он отрекся от христианства или ожидал всего худшего за неповиновение государственному закону... Три часа прошли. Марин снова явился пред трибуналом, признал себя христианином и осужден был на усечение мечом... Но в то же время в Кесарии Палестинской проживал один из римских сенаторов Астурий. Тот совершенно открыто показал, что он тоже христианин: он драгоценной одеждой обвил тело пострадавшего мученика и сам на своих плечах нес его. Это было известно целому городу; но обвинитель не выступил, и таким образом, он остался пощаженным»<sup>2</sup>.

В советское время именно государство в силу своей идеологической направленности преследовало христиан, и инициаторами практической реализации этой политики были

сотрудники государственного аппарата, лишь привлекая свидетелей со стороны для формального оформления обвинения; причем и сами свидетели были часто оплачиваемы государством и выступали или как штатные свидетели или как свидетели по должности, чье мало-мальски начальственное положение предполагало безоговорочное подчинение государственным службам. И если в Римской империи борьба с христианством (за исключением нескольких периодов, когда за это бралось само государство) была частным делом граждан, которые в помощь себе привлекали государство, то в советском государстве борьба с христианством была делом самого государства, которое исполняло его без особого сочувствия к нему самих граждан. При этом советское государство декларировало веротерпимость, и тем самым вынуждено было подыскивать иные формы обвинений для исполнения своих планов по истреблению христиан.

В Римской империи всегда официально объявлялось начало гонений, как это было при императоре Валериане, когда в 257 году последовал указ, запрещающий христианам собираться на богослужение и посещать места погребений, в противном случае их ожидала казнь, и в 258 году, когда последовал другой указ, предписывающий казнить всех клириков, если они не отрекутся, и сослать в ссылку всех не отрекшихся христиан, если те принадлежали к высшим сословиям. На допросе при первом аресте, в соответствии с императорским указом, все, кто не держится римской религии, должны были возвратиться к ней и принести жертвы. «Что ты на это скажешь?» – спросил проконсул епископа Карфагенского Киприана, объявив ему первый императорский указ. «Я христианин и епископ: я не признаю никаких других богов, кроме единого Бога». – «При этом намерении и остаешься?» – «Да». – «Так не угодно ли отправиться в ссылку в город Куруби?» – «Отправлюсь»<sup>3</sup>.

На этом собственно весь допрос и следственная часть и закончились, следовательно здесь протоколировал исповедание мученика.

При втором аресте, через год, проконсул, вызвав к себе на допрос епископа Киприана, заявил: «Императоры приказали тебе принести жертву...» – «Не сделаю...» – «Подумай о себе...» – «Делай, что приказано. В деле столь справедливом нечего раздумывать...» Проконсул так формулировал обвинение: «Ты показал себя врагом римским богам и священным законам. Августейшие императоры не могли убедить тебя возвратиться к исполнению римских религиозных обрядов. В предостережение тем, кого ты вовлек в свое преступное сообщество... ты свою кровью заплатишь за нарушение законов»<sup>4</sup>.

Во время правления императора Антонина Пия (138–161) был арестован епископ Смирнский Поликарп, представлявший собой высочайший пример христианского поведения. Когда пришли его арестовывать, «епископ предложил им ужин... а сам попросил позволения помолиться... На дороге они встретили коляску, в которой ехал один из муниципальных начальников смирнских, так называемый иринарх, вместе с отцом. Они попросили епископа сесть в коляску и начали убеждать его уклониться от угрожающей опасности: «Что худого принести жертву и тем спасти жизнь?» Епископ ответил: «Я не сделаю того, что вы мне советуете». От убеждений эти муниципальные сановники перешли к угрозам и ругательству и, наконец, вытолкнули Поликарпа из кареты. Преклонный старец повредил ногу. Но спокойно продолжал идти по направлению к городу...

Поликарп предстал пред лицо находившегося здесь проконсула. Он начал допрос: «Ты ли Поликарп?» Когда епископ признал себя Поликарпом, проконсул обратился к нему с обыкновенными словами: «Пожалей твой почтенный возраст и не доводи дело до своей гибели; поклянись гением кесаря, одумайся, скажи: «смерть безбожным»... Поклянись гением кесаря... и похули Христа». Поликарп ответил: «86 лет служу я Ему и никакой обиды не потерпел от Него; как же я могу похулить Царя моего, Который спас меня?» Проконсул продолжал склонять Поликарпа к отречению: «Поклянись же гением кесаря и я отпущу

тебя”. Тогда Поликарп заметил: “Напрасно ты делаешь вид, что не понимаешь меня, предлагая поклясться гением кесаря. Если ты не хочешь понять меня, я скажу тебе ясно; слушай: я христианин”. – “У меня есть звери, – сказал проконсул, – я им отдам тебя, если не отречешься. А если зверей не боишься, то я сожгу тебя”. Поликарп ответил, что огонь временный, который через несколько часов погаснет, не страшен по сравнению с огнем вечным. “Что ты медлишь? Делай, что тебе угодно”. Тогда проконсул приказал объявить через глашатая: “Поликарп признал себя христианином”. Услышав это, толпа разразилась криками ярости: “Поликарп – учитель нечестия, отец христиан; он отвергает наших богов”»<sup>5</sup>.

Следует заметить, что в данном случае представитель государственной власти предлагает епископу самую мягкую форму компромисса. Он не предлагает принести жертву богам и обожествленному императору, а только поклясться его именем и в довольно двусмысленной форме похулить христиан, назвав их безбожниками, как в то время преимущественно и называли христиан, хотя безбожниками были язычники, отрицавшие единого Бога и поклонявшиеся идолам.

Во время гонений в эпоху новомучеников следователи и судьи вынуждены были пропускать начальную форму обвинения, то есть, что человек является христианином. Законодательно признав, что христианская Церковь не является преступным сообществом, а лишь не имеющей юридического лица и собственности, следователи и судьи вынуждены были изобретать иные формулы для обоснования обвинений, как это было во время допроса в суде на процессе по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей иеромонаха Макария (Телегина), арестованного при следующих обстоятельствах. Когда один из представителей властей, уже будучи в алтаре, взобрался на внесенный в алтарь стол, а затем для удобства оперся ногой и на престол, иеромонах Макарий, чьи религиозные чувства были задеты, назвал сделавшего это грабителем и насильником. И тут же был арестован. Однако на суде он попытался обосновать законность своего поведения, как ответ на оскорбление религиозных чувств: «А что меня побудило, я вам скажу – мое религиозное чувство и пастырский долг, потому что светские люди не имеют права даже входить в алтарь. Но когда они коснулись святыни, то для меня это было очень больно; я, ввиду этих обстоятельств, действительно произнес эти слова, что “вы – грабители, вы – насильники”, ибо они преступность сделали, святотатство и кощунство...»<sup>6</sup>

Этого объяснения было недостаточно для обвинителей, и они перешли к политическим обвинениям: преследуя по существу за верность вере, власти были вынуждены, в отличие от преследующих христиан римских властей, формулировать обвинения в области политической.

«– Вы считаете, что при монархизме духовенству лучше было? – спросил судья иеромонаха Макария, задавая по сути посторонний всему делу вопрос.

– Как то есть лучше? Жизнь была лучше, значит, хорошо.

– Сейчас тяжелее?

– Да, теперь все тяжелее.

– Значит, при монархизме было лучше?

– Да, всем было хорошо, потому что было изобилие, а теперь мы видим, к чему страна идет и к чему пришла, – что об этом говорить.

– Вы монархист?

– Да, по убеждению.

– Скажите, точка зрения христианская с точкой зрения монархической совпадает?

– При чем тут монархизм и христианство? Христианство своим порядком, монархизм своим порядком.

– Вы можете ответить на вопрос? С точки зрения христианской допустимо быть монархистом?

– Допустимо.

– Значит, из всех видов властей вы сочувствуете только монархической?

– Я всем сочувствую хорошим.

– Советская власть – хорошая власть?

– Если где хорошо делает – хорошая, а плохо – плохая. Что же мы будем рассуждать. Мое убеждение такое, а ваше другое – и ничего не получится.

– Что значит, что вы остались монархистом?

– Что мои такие убеждения, и я в настоящее время противного не агитирую, а живу, как все смертные живут на земле.

– Что же тогда вы представителей советской власти ругаете?

– Это при условии, когда затронули чувства религиозной святыни.

– Вам известно, что патриарх считает существующие власти как бы от дьявола?

Известно это? Вы его послания читаете, послания 19-го года, где он сказал, что власть советская есть исчадие ада?

– Я теперь понимаю и вижу, что вы люди неверующие.

– Отвечайте на вопрос, если хотите. Если не можете, то скажите: от Бога или от дьявола?

– От Бога.

– Как же вы говорите, что признаете только монархическую власть, как это примирить?

– Ведь я вашей власти ничего оскорбительного не делаю.

– Нет, вы уже нанесли оскорбление.

– Я при условии нанесения оскорбления святыни.

– Вы знаете, что монархисты – это враги? Вы считаете себя принадлежащим к шайке врагов рабочего класса?

– У меня врагов нет, я за них молюсь. Господи, прости их.

– Не очень вы, кажется, молились за советскую власть.

– Нет, я и сейчас молюсь. Господи, дай им прийти в разум истины. Все люди стремятся к хорошему... И я смотрю на вас, что желания ваши – устроить по-хорошему, и мне это нравится, но я вижу, что вы стремитесь собственными силами, и я не вижу здесь Бога. А раз нам Бог сказал, что без Меня невозможно...

Но безбожники не захотели слушать слова о Боге, и обвинитель с раздражением прервал отца Макария:

– Вы мне читаете лекцию, а я вам задаю вопрос: вы считаете монархизм врагом трудящихся?

– Я вам говорю – у меня врагов нет.

– Вы историю знаете, что у монархизма были и дурные стороны?

– Да, известно.

– Если бы власть такого дурного монархизма учинила бы кощунство... и изъятие святыни, вы бы промолчали?

– Я все равно не промолчал бы – святыня выше всей власти. Такие чувства самые дорогие.

В день окончания процесса в последнем своем слове, предавая свою жизнь в руки Божии, иеромонах Макарий кротко сказал: “Аще имеете вы судить по вашим законам, то судите”. Находясь в тюрьме, он говорил заключенным вместе с ним священникам: “Жду не дождусь встречи с Господом моим Христом”»<sup>7</sup>.

Когда В.И. Ленин задумал поход на Церковь под предлогом изъятия у нее ценностей для помощи голодающим, то направленные в Шую представители Политбюро не могли публично обвинить шуйского священника протоиерея Павла Светозарова и палехского

священника Иоанна Рождественского в таком преступлении, как принадлежность их к Православной Церкви. И встает вопрос, чего же от них хотели власти, почему расстреляли, в какой форме выразилось исповедничество священников? Как это видно из судебного расследования власти хотели, прежде всего, чтобы обвиняемые с ними сотрудничали, то есть, поддержали выдвинутые ими обвинения об оказании сопротивления при изъятии церковных ценностей. Для протоиерея Павла это означало признать вину и покаяться перед судом, публично выставив Церковь бессердечной златохранительницей, злостно не желавшей помочь умирающим от голода людям. Священнику Иоанну Рождественскому следовало бы, по мнению властей, подобно Иуде, для сохранения собственной жизни назвать имя человека, который принес ему для зачитания в храме послание Патриарха Тихона. То есть, сделать то, что делали обновленцы. Таким образом дело шло уже об отстаивании христианских принципов на практике.

В России в начале XX столетия к власти пришли люди, о которых было известно, что они являются непримиримыми противниками религии вообще, а православия в особенности. Эта была личная позиция основателя советского государства В.И. Ленина, не допускавшего существования христианства, но такова была и коммунистическая доктрина, не оставлявшая религии в конечном счете никакого места, полагавшая, что религия сама собой и с помощью государства исчезнет.

Одним из первых декретов советской власти был декрет об отделении Церкви от государства, в который наряду с полным запретом благотворительной, просветительской и миссионерской деятельности, в чем-то сходной с позицией некоторых римских императоров, вводился и такой пункт, как лишение Церкви юридического лица, т.е. упразднение ее не только как организации, но и реквизиция всего ее имущества, включая богослужебные предметы, и соответствующая выдача этого имущества «по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»<sup>8</sup>. Вполне естественно, что Поместный Собор Российской Православной Церкви в своем постановлении от 25.01.1918 года расценил этот указ, как «злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения»<sup>9</sup>. Следствием указа сразу же после его принятия стали многочисленные жертвы при захвате церковного имущества как в центральных городах, например, в Александро-Невской Лавре в Петрограде, так и в глухой провинции, как Ферапонтов монастырь в Новгородской епархии.

Гонения в XX веке в России от гонений в Римской империи отличались и по длительности. Гонения при советской власти начались сразу, т.е. в 1918 году и продолжались почти всё время ее правления, разделяясь на два периода – исключительно мученический, начавшийся в 1918 году и продолжавшийся приблизительно до 1939 года, и последовавший за ним – исповеднический. Причем второй период был связан не с переменой отношения гражданских властей к Церкви в сторону смягчения, а с массовым и повсеместным истреблением христиан в первом периоде, так что оставшиеся виделись государству как идейные и религиозные противники слабыми и не опасными.

В Римской империи христианство не входило в разряд разрешенных религий, было антигосударственно и преступно, и потому одного признания человеком принадлежности к христианству было достаточно, чтобы приговорить его к смертной казни или к длительной ссылке. В советском государстве дело обстояло иначе. Время существования Православной Церкви в России было настолько длительно, христианство оказало настолько значительное влияние на все стороны жизни народа, что одномоментное упразднение его казалось властям невозможным по непрогнозируемости последствий. Однако государство вступало в противоречие с принятыми им же решениями: лишая Церковь статуса юридического лица, оно фактически упраздняло ее, и одновременно оно на весь мир заявляло, что не

преследует Церковь, а те, кого оно подвергает разного рода репрессиям, провинились не исповеданием Христа, а преступлениями государственными. Это противоречие проходит через все допросы новомучеников: сотрудники НКВД за пределами протокола спрашивали о вере, но в протокол записывали только то, что могло иметь отношение к взгляду исповедника на государство, на проводимые им мероприятия и на государственных вождей.

Исповедницу Хионию (Архангельскую) на первом же допросе 1937 года спросили, верит ли она, что Бог провел евреев через Красное море, потопив фараона. Ее утвердительного ответа было достаточно, чтобы объявить ее «троцкисткой» и «врагом народа». На другом допросе следователь стал угрожать ей, что он упечет ее в лагерь, рассчитывая, что угрозы подействуют, но она вместо того, чтобы искать ответ нужный следователю, заявила: «Воля ваша. А я жизнь жила, грешила и должна понести наказание за грехи». Это вызвало бурную реакцию следователя, который в ответ на ее готовность пострадать закричал: «Враг! Враг! Самый настоящий враг!» И уже окончательно определил ей сидеть под замком в заключении: она была приговорена к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

На вопрос следователя в 1931 году иноку Феодору (Никитину) о его вере и контрреволюционной деятельности, тот прямо ответил: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю. В Бога верую крепко до сих пор и готов умереть за Бога и Христа. Мероприятия советской власти я не разделяю, так как все они направлены на уничтожение веры в Бога, религии, храмов Божиих и святых мест... Я из дома выселен и постоянного места жительства не имею, хожу по дворам и проповедую слово Божие, а это я не считаю преступлением перед Богом, а как это называет советская власть мне безразлично»<sup>10</sup>. Он был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь.

Язычники, представители властей Римской империи, не интересовались внутренним строем Православной Церкви, их интересовал только факт принадлежности человека к христианскому обществу, а также выяснение некоторого круга вопросов, имеющих нравственный характер. Это последнее, то есть, насколько человек по-христиански себя держит в условиях гонения, делает сходной позицию древних мучеников и новомучеников как со стороны вопросов следствия, так и со стороны ответов исповедников. На допросе в 257 году проконсул, выяснив, что Киприан является христианином и епископом, заявил ему: «Указ касается не только епископов, но и пресвитеров. Кто пресвитер в этом городе?» – «У вас есть прекрасный закон, запрещающий доносы, и я не стану доносить об них», – ответил священноисповедник. На допросе в 1941 году следователь потребовал от иеромонаха Феодора (Богоявленского): «Назовите ваших знакомых, у которых вы останавливались в селах Волоколамского района и в Волоколамске после того, как вам было запрещено пребывание в Московской области». – «Я считаю невозможным называть этих людей и впутывать их в свое следственное дело и поэтому называть их не хочу», – ответил тот.

Советское государство в отличие от Римской империи активно вмешивалось во внутренний строй Церкви, и положение исповедника во время гонения при советской власти становилось значительно сложнее – гонители преследовали не только прямую цель уничтожения христианства, но и уничтожение его с помощью самих же членов Церкви, используя для этого свои знания церковного организма и пользуясь услугами тех, которые, преследуя корыстные цели, готовы были тесно сотрудничать с государством, как показал это обновленческий раскол. Представители советской власти активно и достаточно умело склоняли православных клириков к расколам, старались разбить их на враждующие группы. Так было создано обновленчество и григорианство.

Подобного же рода предложения в виде требования подписать соответствующую декларацию и быть более активным в обсуждении с представителями властей планов, каким образом строить взаимоотношения Церкви и государства, склонявшихся к падению Церкви,



делались и архиепископу Илариону (Троицкому). И для исповедника оказалось важно не только выразить свою веру на словах, но и разгадать хитросплетения врагов Церкви, пытавшихся под предлогом оказания ей помощи принести вред. В этом и выразился исповеднический подвиг архиепископа Илариона, любившего Бога и созданную Им Церковь, для которого воплощение в своей жизни, в слове и в деле верности Церкви и было исповеданием веры. Тучков видел это, видел, что его планы по разрушению Церкви исповеднику видны и понятны, и отправил его на новый срок в Соловецкий концлагерь. С точки зрения церковного сознания архиепископа Илариона, он стал бы предателем Церкви, если бы согласился на предложения Тучкова. Избрав другой путь, он тем самым избирал себе и мученический конец, потому что для советского государства отказывающийся в те годы от тесного сотрудничества был обречен на смерть в заключении.

Поскольку христианство явилось следствием спасительной миссии Самого Творца и прямым действием Промысла Божия и созидалось на Откровении, то естественно оно ничего общего не имело с миром сим, и тем более с языческим миром, к началу христианской эпохи погрязшим во всякого рода пороках. Оно не являлось и продолжателем древней языческой культуры ни в социальном, ни в собственно культурном смысле; и потому оно было совершенно равнодушно к политической и культурной жизни империи. Плоды христианской культуры были им еще не выработаны, а языческие чужды. Христиане были равнодушны ко всему строю жизни империи и в первую очередь к политическому, они были готовы признать любую власть, как данную от Бога, все императоры были им идейно чужды, выполняя лишь внешние функции упорядочения гражданского строя жизни. Христиане еще не имели на земле ничего своего, для них светил только свет Невесты Христовой – Церкви, на всем же остальном лежал лишь тусклый отблеск Божественной благодати, самим собой не смогший привести человека по точному суждению апостола Павла к познанию Бога.

Христиане, жившие в начале XX века, воспринимали политическую жизнь в России, как следствие долгой христианской эпохи, где политические учреждения были созданы христианами, в которых они и участвовали как христиане. После революции 1917 года и прихода к власти большевиков, христиане оказались вычеркнуты из политической и культурной жизни страны, так как вся она стала связана с членством в коммунистической партии, которая исповедовала атеизм как религиозное учение, для христиан стало невозможно занятие многих административных должностей. Кроме того, сами новые учреждения, которые создавались государством, такие казались бы чисто экономические, как колхозы, имели в строе своей жизни антирелигиозную подкладку, выражавшуюся в частности в том, что члены колхозов часто были обязаны работать в воскресные дни, христианами отводившиеся для посещения церкви. Христиане были осведомлены о связанности экономической составляющей таких образований, как колхозы, с религиозной, знали они и об общей антихристианской направленности советского государства. Тем более были осведомлены об этом представители государства и в соответствии с этим почти всегда обвиняли христиан в сопротивлении созданию колхозов и в агитации против них.

Христианство было объявлено властями частным делом, но на практике такое частное дело, как христианская жизнь, в тоталитарном государстве не так-то легко было реализовать, так как для этого нужно было, чтобы оставались хотя бы какие-то сферы независимой от государства социальной жизни. Такой независимой от государства формой было в первые годы советской власти ведение личного крестьянского хозяйства, но после массовой коллективизации в 1931 году и оно стало почти невозможным; и практически все сферы народной и социальной жизни оказались подчинены государству, которое заявляло свои права и в деле воспитания человека и его дальнейшего социального устройства.

Сами обязанности христиан перед советским государством в начальный период его существования стали трактоваться не однозначно, что в значительной степени делает их позиции сходными с позициями христиан при последнем гонении при императоре Диоклетиане.

Историк В.В. Болотов, приводя такие случаи, пишет: «В 295 году... в африканском городе Тевесте производился набор солдат. Между новобранцами обращал на себя внимание один христианин по имени Максимилиан. Этому молодому человеку был 21 год и его призывали к военной службе. Проконсул Дион, заведовавший набором, приказал осмотреть этого Максимилиана... но... он заявил: “Мне нельзя служить... потому что я христианин”... Дион приказал надеть на него значок воина – свинцовое ожерелье. Но Максимилиан отвечал, что если наденут ему это ожерелье, он все равно сбросит его: он не может служить. “Отчего это?” – спросил проконсул. “Потому что я христианин”, – был ответ: “не могу служить...”. Проконсул возразил: “В войске государей наших, священных императоров Диоклетиана и Максимиана, есть много воинов христиан и они даже служат в лейб-гвардейском корпусе”. Но Максимилиан стоял на том, что он не может служить, потому что не может делать зла. “Да разве служить в военной службе значит делать зло?” – спросил проконсул. “Ты сам знаешь лучше”, – ответил Максимилиан. Тогда проконсул за такое упорство приказал казнить его мечом...»<sup>11</sup>

Этот поступок был расценен христианами далеко не однозначно, и многие воины-христиане продолжали служить в войсках языческого императора, нимало не подвергаясь гонениям. Сам же приговор был квалифицирован официальными властями, как нарушение воинской дисциплины.

Такое явление мы можем наблюдать в эпоху страданий новомучеников, но только лишь в начальный период советской власти, до окончания Гражданской войны, когда советское правительство многими не воспринималось как правительство законное, каковым оно по существу и не было, представляя собой всего лишь одну из насильственно пришедших к власти групп, сразу же и заявившей о своем воинственно-отрицательном отношении к Церкви, так что оказавшийся в Красной армии в 1918 году силой обстоятельств, мог тут же оказаться и убийцей христиан. Кроме того, 15 (28) февраля 1918 года было издано постановление Святейшего Патриарха и Синода, в частности, гласившее, что «все восстающие на Святую Церковь, причиняющие поругание святой православной вере и захватывающие церковное достояние, подлежат, невзирая на лица, отлучению церковному»<sup>12</sup>. Действуя в соответствии с этим церковным постановлением, насельники Белогорского Свято-Николаевского монастыря – монахи Иоанн (Ротнов), Аркадий (Носков), Гермоген (Бояршинов), Евфимий (Шершилов) и послушники Иаков (Старцев), Александр (Арапов) и Иаков (Данилов) отказались идти служить в Красную армию, куда их советские власти попытались насильственно рекрутировать, и тогда же были замучены с разной степенью жестокости. Впоследствии, по окончании Гражданской войны и победы одной политической партии, мы уже не встречаем случаев отказа от службы в советской армии по соображениям церковным.

Если мы сравним условия нахождения человека под следствием в древности и в первой половине XX столетия, то большую жестокость и «зверскость» следовало бы признать за древностью, когда пытки применялись в качестве законной составляющей следственного процесса; и поэтому вполне естественно, что тысяченачальник Клавдий Лисий, желавший узнать, почему иудеи столь неистово кричали против апостола Павла, повелел для выяснения истины подвергнуть того бичеванию. К новомученикам пытки применялись только периодически – в период общего ожесточения общества во время Гражданской войны и в период массовых репрессий, когда применение пыток в том или ином виде санкционировало само государство; так было во время коллективизации в 1929–

1931 годах, так было во время так называемого Большого террора в 1937–1938 годах, когда ведение ускоренного следствия и запланированное большое число жертв предполагало любые формы воздействия на человека, чтобы добиться хотя бы от части обвиняемых признания в несовершенных ими преступлениях. Здесь применялся по преимуществу «конвейер», когда следователи менялись, а обвиняемому не давали спать в течение многих суток. Но это было страшно тогда, когда человек намеревался выдержать следствие не для спасения своей души, а чтобы выжить, но совсем не так было, когда человек имел лишь одно намерение *разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1: 23). Христианская истина имеет неотмирное происхождение, она абсолютна и не может меняться в зависимости от внешнего давления. Для христианина, который предполагает пережить следственный процесс и заключение и, может быть, даже доказать свою невиновность и освободиться, и для которого самозначима именно эта земная жизнь, пытки типа «конвейера» очень страшны, так как каждый раз отдаляют искомую цель – внешнюю свободу; но для человека, предполагающего умереть, и разрешиться, и быть со Христом, они даже менее страшны, чем пытки, которые пришлось испытать мученикам в древности. Если христиане и испытывали трудности в перенесении следствия, то это зависело не столько от его тяжести, сколько от неготовности христианина умереть христианином, не от тяжестей пыток, а от двоящихся мыслей. Те, кто был верен Христу, кто сохранял в своем сердце представление о христианском идеале, а значит и христианской смерти, у тех не было больших проблем со следствием или с гонителями. Они сохраняли и во время следствия мирное расположение духа, каковое и должно было оставаться у христианского исповедника во время испытаний.

По записи мученических актов, приведенных В.В. Болотовым, мы читаем о мученической кончине хорошо образованной матроны Перпетуи и рабы Фелицитаты в 203 году. «Перпетуя вместе с Фелицитатой были отданы на растерзание свирепой корове... и здесь христианская мученица заявила в себе необыкновенную идеальную чистоту женщины... эта корова бросала несколько времени Перпетую рогами, и, наконец, она упала на арену. Но хотя она была ранена и обливалась кровью, ее первая мысль была о том, что рога коровы разорвали ее тунику и обнажили ее тело, и потому с необыкновенными усилиями воли она оправила разорванную одежду и прикрылась. Затем она вспомнила еще, что у нее растрепались волосы. Так как растрепанные волосы были символом траура, а она считала мученическую кончину особенно радостною, то она собрала настолько силы, что поправила свои волосы и приколотла их булавкою. Затем, когда она могла подняться, то подошла к Фелицитате и, подав ей руку, помогла встать... Еще молодой и неопытный гладиатор, на которого выпало покончить с мучениками, дрожащею рукою нанес Перпетуе несколько ран, и, наконец, она сама собралась с силами, чтобы направить нож в свое горло»<sup>13</sup>.

Из новомучеников с таким же достоинством и спокойствием умирал в 1918 году архиепископ Пермский Андроник (Никольский), который при угрозе смерти, и смерти мучительной, такой как погребение заживо, не утратил мирного состояния духа и способности к рассуждению и держал себя так, как будто ему ничего не угрожало от жестоких мучителей. Стоя на краю могилы, он спокойно молился, благословил свою не ведающую о близкой смерти своего архипастыря паству и сам сказал мучителям, что готов принять смерть. И в этой его готовности умереть за Христа и внутреннем спокойствии было столько красоты и духовной силы, что это устрашало мучителей.

Священник Михаил (Накаряков) при предложении конвоиров отпустить его, сам им сказал, чтобы они делали то, что им было приказано (1918 год), и даже тогда, когда он был ранен и ему конвоирами вновь было предложено отпустить его, он отказался, более стремясь достичь жизни вечной, чем остаться в земной.

Таким был митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), которого и угроза смерти несколько не поколебала остаться верным церковным решениям и не признать церковно-законным обновленческого движения, навязанного атеистическими властями. За несколько дней до расстрела он писал из тюрьмы: «В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением. Жалел всю душу, что времена не те и не приходится переживать, что они переживали.

Времена переменялись. Открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих.

Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек, избыточествуя утешением, не чувствует самых тяжелых страданий. Полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы приложить<sup>14</sup> то состояние, в каком находится счастливый страдалец. Об этом я раньше говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти всё: тюрьму, суд, общественное заплевание, обречение и требование этой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую самую черную неблагодарность, продажность, непостоянство и т.п., беспокойство и ответственность за судьбу других людей и даже самую Церковь.

Страдания достигали своего апогея, но увеличивалось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда хорошо...»<sup>15</sup>

Все и древние мученики и новомученики сумели сохранить высокие христианские идеалы и в самой своей смерти более приобретали, нежели теряли.

В заключение следует сказать, что сквозь всю дилемму сохранения верности Христу или отказа от Него всегда проходят страсти и привязанности человека, когда за стяжанием через мученичество небесного приходится отказываться от привычного и любимого земного. И близкие и сродники или утяжеляли исповеднический крест или помогали его нести. Это было и у мучеников древних, и у мучеников в XX столетии.

Отец матроны Перпетуи был язычником и для него весь смысл жизни заключался в земных привязанностях и семье, куда он хотел вернуть свою дочь через ее отказ от Христа, используя для этого самое естественно-дорогое для женщины – любовь к ребенку. Она «выдержала тяжкую внутреннюю борьбу со своими семейными привязанностями. Когда все эти христиане были взяты, еще до допроса явился к Перпетуе отец ее – язычник и умолял ее не признавать себя христианкою. Но Перпетуя отклонила этот совет... и он решился подвергнуть дочь одному из самых утонченных нравственных мучений: она была замужем и еще кормила грудью сына; отец решился не давать ей ребенка. И в темничном заключении... самую тяжкую пытку для нее была именно мысль, что сын ее остается в то время голодным... Перед допросом опять посетил Перпетую ее отец, но уже чрезвычайно смягченный и растроганный. Он теперь думал не угрожать, а умолять свою дочь. Старик плакал, умолял пощадить свои собственные седины и положение всей семьи, которая не перенесет такого позора, что из их рода будет человек, казненный как уголовный преступник. Он умолял вспомнить о сыне, который может жить только ею. Он бросался к ногам дочери, обливал их слезами и целовал ее руки, называя ее не дочерью, а госпожою... Но Перпетуя стояла твердо и на все увещания отвечала: “Воля Господня да будет...”

Наконец допрос состоялся; отец присутствовал здесь. Он сначала показывал сына и умолял сжалиться над ним. И сам судья... убеждал Перпетую пожалеть отца и младенца и совершить жертвоприношение во здравие императора. Но Перпетуя сказала: “Не сделаю”. – “Ты христианка?” – спросил тогда прокуратор. Она ответила: “Я христианка”. Таким образом, участь Перпетуи... была решена»<sup>16</sup>.

Священнику Петру Грудинскому, расстрелянному в 1930 году, незадолго до его мученической кончины супруга писала в тюрьму: «Прошу тебя... если ты жалеешь меня, откажись от своих ничего никому не дающих убеждений... Если согласишься со мной, я поеду с тобой хоть на край света, не боясь нужды. Но при мысли продолжать быть попадьей я вся содрогаюсь – не могу. Ответь мне, как быть?»<sup>17</sup>

«Дорогая Ирочка, – писал ей из тюрьмы отец Петр, – твое письмо ошарашило меня более ареста, и только сознание, что оно продиктовано горем и нуждой, несколько успокоило меня... Я никогда не стеснял своей совести, – зачем же ты, пользуясь тяжелыми обстоятельствами, толкаешь меня на бесчестный поступок... Отречься от веры во Христа, Который составляет смысл всей моей жизни, от Которого я видел столько благодеяний, и оставить Его в то время, когда я приближаюсь к могиле?! Я не могу, и не сделаю этого даже ради тебя, которую всегда любил и люблю»<sup>18</sup>.

Священник Валериан Новицкий, также расстрелянный в 1930 году, писал из тюрьмы своей супруге Домнике: «Мне для сохранения жизни предложили отречься от Бога и от священнического сана. Я отказался. Как ты справишься одна с детками?»<sup>19</sup> В ответ она написала ему: «Не отрекайся ни от Бога, ни от священнического сана. Мне поможет Господь»<sup>20</sup>.

#### **Источники:**

1. В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994.
2. Реутов православный. № 2 (4) апрель. 2004. Священник Максим Максимов. Гонения на христиан в Римской империи и в России. Историко-сравнительный анализ. С. 3–11.
3. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Книги: Январь-Июнь. Тверь. 2005–2009.

---

<sup>1</sup> В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 118.

<sup>2</sup> В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 136–137.

<sup>3</sup> В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 127.

<sup>4</sup> В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 128–129.

<sup>5</sup> В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 93–94.

<sup>6</sup> Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Май. Тверь, 2007. С. 101.

<sup>7</sup> Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Май. Тверь, 2007. С. 101–104.

<sup>8</sup> Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Составитель Герд Штриккер. Книга 1. М., 1995. С. 114.

<sup>9</sup> Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Составитель Герд Штриккер. Книга 1. М., 1995. С. 115.

<sup>10</sup> Государственный архив Липецкой обл. Ф. Р-2210, оп. 1, д. 2240, л. 76.

<sup>11</sup> В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 138–139.

---

<sup>12</sup> Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. Сост. М.Е. Губонин. Изд-во ПСТБИ. М., 1994. С. 98.

<sup>13</sup> В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 110–111.

<sup>14</sup> В смысле преумножить.

<sup>15</sup> С.А. Зегжда. Александро-Невское Братство. СПб., 2009. С. 6–7.

<sup>16</sup> В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 108–109.

<sup>17</sup> Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, 2007. С. 184–185.

<sup>18</sup> Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, 2007. С. 184–185.

<sup>19</sup> Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, 2007. С. 187.

<sup>20</sup> Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, 2007. С. 187.